

ИСПОДЛОБЬЯ

Кирилл Анкудинов

Мураками и «Гринпис»

Недавно я попал в больницу. Мой хороший знакомый, майкопский пожилой рабочий-литейщик и поэт Сергей Сюсюкин, предложил мне в качестве «больничного чтения» два романа модного японца Харуки Мураками – «Хроники заводной птицы» и «Страну Чудес без тормозов, или Конец Света».

Надо сказать, раньше я читал только рассказы Мураками, и они показались мне довольно водянистыми. Иногда сам жанр рассказа провоцирует на водянистость, поэтому я надеялся на то, что романы Мураками – более сжаты.

Зря надеялся.

независимая 2008 14 сент. с. 6.

Как я понял, единственная национально-японская черта в прозе Мураками – это ее нестерпимое многословие.

Звучит странно: как известно, японская культура прославилась подчеркнуто лаконичными жанрами. Хокку, танки, иероглифы на белом листе бумаги.

Три строки, пять строк, лист бумаги. Все это – искусственные границы, работать в пределах которых легко. А если искусственные границы сняты? Если человек всю жизнь ходил строем, а затем его выпустили: иди куда желаешь? Он и разбежался...

Еще хотелось бы сказать вот о чем...

Когда читаешь европейского (или даже американского) писателя, видишь, что он испытывает некое неудобство из-за порубленных на его книгу деревьев. Европейец-американец старается держаться в рамках и не допускать совсем уж откровенного пустословия. Каждая лишняя глава – это погубленный кедр. А кедров, как заявил «Гринпис», осталось мало. Их надо беречь.

Мураками все заявления «Гринписа» – не указ. Он тратит десять больших глав на переживания героя по поводу пропажи кота. Бесконечное количество раз по-

вторяет одно и то же. Заполняет страницы романа совершенно ненужной информацией.

Для европейского читателя это – экзотика. Точно так же, как для европейского зрителя былых времен казались экзотикой советские фильмы, глядя которые хотелось сказать: «Как много пленки у режиссера!» Подобные вещи цепенят и потрясают европейца. Он не может себе позволить так тратить пленку и бумагу. Ему это запрещено «Гринписом».

Плюс к тому – вялотекущая мистика; в этом тоже «есть что-то загадочное, все такое японское». В начале романа кот уходит, в конце – приходит. У Стивена Кинга он бы давно сожрал всех персонажей. Но так нельзя. Душе европейца претит Стивен Кинг. Ей подавай японскую мудрость, неспешные ритмы...

Кстати, о ритмах. В предисловии к «Стране Чудес...» сказано: «сумасшедшие будни современного мегаполиса», «скорость»...

Действительно – ультрасовременно. Как стихи Андрея Вознесенского. И вдобавок супернаучно. Как старый фильм «Тайна двух океанов»...

Совсем уж умилительная черта Мураками – наивный культ потребления.

Едва ли не каждая глава начинается примерно так (все идущие далее названия – плоды моей фантазии):

«Я проснулся, встал под душ, включил горячую воду, затем включил холодную воду, почистил зубы пастой «Брудерак», врубил свой суперновейший музыкальный центр «Квазифлекс», поставил Девятую симфонию Штюбнера-Шмутца в исполнении Венского симфонического оркестра, вытащил из холодильника «Мраззи» фруктово-тунцовый салат «Викивокс», разложил его по тарелкам, разлил по бокалам любимое виски «Блю фортунат» и в ожидании прекрасной незнакомки настроился на волну отдыха».

Честное слово, ни один европейец (и даже ни один американец) не позволит себе подобные штуки...

Короче говоря, так оно и происходит: Европа с Америкой взыскуют «настоящую древнюю мудрость» – и успешно находят ее в сотнях попусту исписанных страниц. А модный японец, «внося в позу денди всю наивность молодой расы», упивается Штюбнером-Шмутцем и виски «Блю фортунат». В итоге каждая из сторон находит нечто свое, нужное именно ей.

А что находит в прозе Мураками Дмитрий Ковалев?..